

Чулкова Ольга Олеговна

БИОСФЕРА И СПЕЦИФИКА ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

В статье осуществляется социально-философская рефлексия над природой и спецификой этносоциальных конфликтов. В целях установления природы и специфики этносоциальных конфликтов в различных типах обществ (традиционном, индустриальном, информационном) в ней проводится компаративный анализ цивилизационных и постмодернистских концепций социальной динамики. Определяется необходимость разработки инструментов социального контроля в условиях развития тенденций глобальных социальных изменений, происходящих в последние десятилетия.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/11-1/41.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (37): в 2-х ч. Ч. I. С. 187-192. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 101.1:316

Философские науки

В статье осуществляется социально-философская рефлексия над природой и спецификой этносоциальных конфликтов. В целях установления природы и специфики этносоциальных конфликтов в различных типах обществ (традиционном, индустриальном, информационном) в ней проводится компаративный анализ цивилизационных и постмодернистских концепций социальной динамики. Определяется необходимость разработки инструментов социального контроля в условиях развития тенденций глобальных социальных изменений, происходящих в последние десятилетия.

Ключевые слова и фразы: этнос; нация; этносоциальный конфликт; межгрупповой конфликт; примордиализм; конструктивизм; инструментализм; полиэтнический рынок труда; антиглобализм; альтерглобализм.

Чулкова Ольга Олеговна*Московский государственный машиностроительный университет (МАМИ)**O_chernyh@mail.ru***БИОСФЕРА И СПЕЦИФИКА ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ®**

Философский анализ биосферы этносоциального конфликта предполагает его антропологическую проекцию. При этом важным для понимания природы этносоциальных конфликтов является последовательный конструктивизм в истолковании национальной идентичности: он состоит в радикальной переориентации представления об онтологическом статусе *нации*. От представления о нациях как субстанциальных агентах исторического процесса нужно перейти к представлению о нациях как социально-исторических «фикциях», сложившихся в результате последовательных усилий государств по «переплавке» разнородного этнического субстрата в относительно однородное социально-культурное сообщество. При этом следует иметь в виду, что *современные нации* имеют весьма косвенное отношение к *этническим сообществам*, исторически предшествующим современным нациям и носившим те же имена [12, с. 175].

Определения этноса находят свое отражение в таких подходах как примордиализм, инструментализм и конструктивизм. В примордиалистском подходе выделяют социобиологическое и эволюционно-историческое направления. Согласно первому из них, этничность – это объективная данность, примордиальная сущность человека, это «расширенная родственная группа», «расширенная форма родственного отбора и связи» или биологическое сообщество.

Второе направление провозглашает этнос социальной общностью, реально существующими группами с присущими им чертами – языком, культурой, идентичностью, отличающими их от других групп. С точки зрения инструменталистского подхода, этнос – это общность, объединяемая интересами, это средство для достижения групповых интересов, мобилизации в политической борьбе (Н. Глезер, Д. Мойнихин, Дж. Дэвис и др.). С позиции конструктивистов (Б. Андерсон, Р. Бурдбе, Э. Геллнер, Э. Хобсбаум, В. А. Тишков и др.), этническая общность и этническое самосознание конструируются интеллектуалами (писателями, учеными, политиками) [7, с. 15].

Закат классических империй, прежде всего английской и российской, и принципа колониализма поставил на повестку дня противоречие между принципом нерушимости границ государств и правом *этнических групп* на самоопределение. Именно это противоречие пронизывает современное общество и является источником многочисленных конфликтов – достаточно назвать Испанию, Ирландию и Россию. Процесс складывания наций-государств во многих регионах мира далек от завершения: он может представлять собой «бомбу времени» как направленный демографический взрыв, когда этнические группы начинают претендовать не только на территориальную либо *культурно-языковую автономию*, но и на отделение и образование собственного *государства*. Именно это произошло, например, в Югославии, что позволило создать фантазматорию, гораздо большую, чем просто намек [10]. Существуют концепты «субстанциальной», а не «функциональной» логики, продолжающие рассматривать нации как дозревшие до нужной кондиции этносы, а национализм – как самосознание наций, хотя эта позиция на сегодняшний день не может считаться доминирующей в социальной теории [11]. В самом деле, «национальное» вообще не может быть синонимом «этнического»: нация есть общность принципиально иного порядка, это, по сути, «дисциплинарный трансформатор», синтезирующий из швабов и пруссаков – немцев, из бургундцев и нормандцев – французов и т.д. [3]. Речь, следовательно, идет о том, что традиционно определяемая «национальная» культура не является изначальной данностью, она есть нечто «сделанное», а не «найденное», причем «деланное» усилиями элит, а затем презентуемое в качестве «национальной» культуры. Поэтому и встает вопрос: могут ли нации жить без национализма? Даже если он ясно и последовательно не выражен в публичном пространстве или не встречается понимания у соотечественников, он должен присутствовать как своего рода *идентификационная программа*, как совокупность символов, сообщающая стабильность «слепой силе» воображения [5]. Таким образом, социальная структура европейских сообществ характеризуется крайне расслабленным, астеническим

состоянием, и вовлечение сторон в зоны социальной активности представляется достаточно проблематичным. Может быть, даже на повестке дня – то, что способно инициировать социальный конфликт, своего рода «шоковая терапия», способная пробудить гражданское самосознание.

При рассмотрении вопроса соотношения антропологической детерминации и социальной конфликтности, прежде всего, речь должна идти о таких гигантах евразийского континента как Россия, Китай и Индия. Их уникальные культуры обнаружили исключительную выживаемость и устойчивость в своем идеологическом противостоянии меркантильно-инструментальным антропологическим и образовательным идеалам Запада.

Поэтому инициаторами нового цивилизационного поворота могут стать только народы, сохранившие элементы *органичности жизни* и обладающие мощным *ценностно-духовным потенциалом*, устойчивыми и достаточно развитыми культурами. Именно эти народы могут оказаться способными, на нынешней развилке исторических путей, противостоять вирусу потребительства, ориентациям на паразитарный образ жизни и мобилизоваться для творческой альтернативы стратегиям потребительства, для утверждения ценностей *духовно-экологической* цивилизации. Этим народам бесполезно соревноваться с Западом на почве рыночной конкуренции. Их задача – не имитировать уже пройденные пути исторического развития, а освоить собственный потенциал культурно-цивилизационного роста. Сегодня может получиться так, что именно технически и экономически недостаточно развитые страны смогут утвердить себя в качестве лидеров духовного поиска форм жизни адекватных *природе человека*. Важнейшим и необходимым элементом стратегии выживания и культурно-цивилизационного роста в этих условиях остаются ориентации на поддержание *национально-культурных образов мира*.

Цивилизационный подход призван представить всемирную историю как разнообразие культурно-цивилизационных исторических типов. То, что со времен публикации «Постижения истории» Тойнби у современных авторов называется цивилизацией, Шпенглер называет культурой, выделяя две причины межнациональных конфликтов:

Первая причина – межнациональные противоречия и ксенофобия, которые связаны не с сознанием национального, расового различия или боязнью перед чужаком, а возникают «по причине слишком большой разновременности».

В качестве иллюстрации Шпенглер рассматривает Российское государство после реформ Петра I. Петр в результате модернизации всех сфер жизни ввел в русскую культуру чуждые ей формы западного образца. В результате в России произошел культурный разрыв: население было разделено на два обособленных мира. Именно это переопределило остроту внутреннего конфликта в российском обществе и его основные проблемы на долгое время. В России сформировалось два совершенно оторванных друг от друга мира: вестернизированная элита и основная часть населения страны, являющаяся носителем традиционной культуры. Шпенглер видит в этом раздвоении причину революции и победы большевиков в России в 1917 году.

Вообще народы, находящиеся на разных стадиях своего развития, плохо понимают друг друга. Например, «культ денег» поздней культуры может натолкнуться на неприятие и активное противодействие со стороны аскетической морали, характерной для ранней стадии развития культуры. В этом случае элементы более поздней культуры становятся для носителей неприемлемыми и вызывающими [14, с. 331-332].

Вторая причина междоцивилизационных конфликтов связана со стремлением перенести свои ценности, принципы жизни и морали, нормы этики и эстетики, табу на представителей других культур, что вызывает отторжение у контактирующей культуры. Шпенглер справедливо считает, «что нельзя действовать в форме своей собственной культуры, а чужую игнорировать» [Там же]. Спустя 70 лет после издания «Заката Европы» подобные идеи в актуализированном виде были перенесены в прикладную сферу – политологию. Книга «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» Сэмюэля Хантингтона сделала идеи Шпенглера популярными и, следовательно, способными повлиять на ход истории [13].

Что касается такого политического явления как война, то Шпенглер считает, что вооруженные конфликты могут эволюционировать: от обычной войны к холодной войне-гонке вооружений, а впоследствии и к борьбе за разоружение. Холодная война характерна для эпохи цивилизаций: это эпоха «отложенной» войны, когда количество людей, желающих мира, больше количества людей, готовых жертвовать собой. «Мир во всем мире... содержит в себе частный отказ колоссального большинства от войны, однако одновременно с этим и неявную готовность сделаться добычей других, которые от войны не отказываются» [14, с. 463].

Особенно остро формулируется проблема сохранения достижений национальной системы образования для России, населяющих ее народов, включая народы Северного Кавказа. Их постепенное втягивание в процессы глобализации уже само по себе оказывает разрушительное воздействие на антропологические и образовательные традиции национальных культур.

В плане исследования *этносоциальной* конфликтности важно то, что *конфликты* между индивидами и группами рассматриваются как частные «*функциональные расстройства*», преодолеваемые благодаря действию «стабилизирующих институтов» (Т. Парсонс). Поэтому речь и шла только о таких конфликтах, которые затрагивали цели, ценности и интересы, не противоречащие принятым основам внутригрупповых отношений. «Интеграцией занимаются те институты, которые берут на себя социальный контроль и которые поддерживают общую культуру и набор символов, в то время как функцией поддержания порядка занимаются социализирующие институты (семья, школа, религия), которые согласовывают структуру личностных мотиваций с целями и ценностями общества. Это происходит, когда индивид в процессе социализации

приобретает свою индивидуальность и одновременно интернализует нормы данного общества» [8, с. 46]. Конфликту отводится, таким образом, *негативная* роль.

Но сегодня – как и на пороге эпохи модерна с ее открытиями *бессознательного, экзистенциального, трансгрессивного* – можно сказать, что системная теория, сделавшая ставку на нормативность и регулярность, забыла о «подпольной природе» человека (Ф. М. Достоевский) – именно о том, что чрезвычайно важно при рассмотрении природы *социально-этнических* конфликтов. Оказалось не учтено то, что полное превращение человека в «социального субъекта» невозможно. В любом случае неконформизм есть проявление свободы как онтологического места человека. Оспаривание, господство и борьба за признание, высокий статус личности и этноса – это антропологические первофеномены, вокруг которых возникает напряженность конфликта. Постиндустриальные сообщества выбрали путь «репрессивной десублимации» (Г. Маркузе) – своего рода «принуждение к счастью», что вызвало ряд реакций (современный терроризм, эсхатологическое сектантство). Так что сразу нужно понять, что если конкретный конфликт имеет относительный характер и локализуется в определенной области, то социально-этнический конфликт как *феномен* есть универсальная форма человеческого общежития: избавить человека от конфликтности означает избавить его от себя самого. В культурной антропологии и социологии узкая трактовка социального конфликта (как временной и подлежащей устранению дисфункции) была подвергнута разрушительной критике. Конфликт – неизбежный спутник социальной жизни, выполняющий ряд позитивных ролей (распределение символического капитала, стимуляция социальной мобильности, утверждение дифференциации ролей). Социальным антропологам удалось показать значение конфликтов как естественных, всеобщих и неустраняемых форм общественной жизни и деятельности, способных при определенных условиях выполнить роль позитивного средства интеграции и стабилизации социальных групп, институтов и социальной системы в целом. Социально-этнические конфликты предстают как стимуляторы совершенствования социальных структур, общественных отношений и институтов.

Кроме того, конфликт не есть чисто «*физическое событие*», не есть столкновение неодушевленных тел. В любом случае речь идет о целеполагании, коль скоро конфликт можно определить как «появление объективных или субъективных противоречий, выражающееся в противоборстве сторон, т.е., это процесс, в котором два или более индивида или группы активно ищут возможность помешать друг другу достичь определенной цели, предотвратить удовлетворение интересов соперника или изменить его взгляды и социальные позиции» [4, с. 103]. Таким образом, конфликт именно *переживается* – независимо от того, действительные или фиктивные его мотивы прочитываются в опыте сознания.

Исследователи справедливо отмечают, что тенденции глобальных социальных изменений, происходящих в последние десятилетия (волны миграции из стран третьего мира, формирование полиэтнического рынка труда, интернационализация бизнеса в условиях создания мультинациональных корпораций, динамика потребительского рынка) требуют разработанных инструментов социального контроля. Этнографические исследования с их индивидуализированными методами манипулирования информацией и чувствительностью к уникальности жизненного опыта в большей степени, чем количественные методики, позволяют проникнуть в суть и найти способы усовершенствования технологий управления конфликтом.

На пересечении рассмотренных выше срезов анализа имеет смысл продумывать «конфликтогенную ментальность». От этого прямо зависит понимание роли социального конфликта в развитии общества. Прежде всего, нужно иметь в виду, что сама социальная структура содержит гарантию единства внутригрупповых отношений перед лицом конфликта: возможность институционализации конфликта определяется степенью его недопустимости. Станет ли социальный конфликт средством стабилизации внутригрупповых отношений и согласования противоположных требований сторон или он окажется чреватым социальным взрывом? Ответ на этот вопрос зависит от характера социальной структуры, в условиях которой развивается конфликт [6]. Но всегда в социальной структуре любого типа имеется повод для конфликтной ситуации, поскольку время от времени в ней вспыхивает конкуренция отдельных индивидов, подгрупп или групп по поводу дефицитных ресурсов, престижа и власти.

В межгрупповых конфликтах индивид склонен вести себя более агрессивно, нежели в случае, когда от него требуется принятие индивидуального решения. Причины заключаются в так называемом эффекте толпы, который, с одной стороны, обеспечивает «заражение агрессии», а с другой, заметно снижает чувство персональной ответственности за происходящее.

Вместе с тем, социальные структуры отличаются друг от друга дозволенными способами выражения притязаний и уровнем терпимости в отношении конфликтных ситуаций. Современные конфликты часто вспыхивают там, где определенный антропологический тип отказывается следовать *императиву эффективности*, которым живет современный глобальный капитализм. В свою очередь, американский аналитик экономических механизмов глобализации М. Кастельс указывал, что современные стратегии экономического обмена конструируются по модели сегментации, которая в пространстве глобальной экономики устанавливает фундаментальную асимметрию между *успешными и неуспешными* экономическими субъектами. Конкурентоспособность и экономическая эффективность всецело зависят от избирательного использования инновационных технологий и в конечном счете от информации. Таким образом, в ситуации глобализованного мира новое знание и высокая информированность выступают основным критерием производительности и конкурентоспособности. Привлечение знания становится ключевым инструментом конкуренции между фирмами, организациями и сообществами всех типов.

Если любое общество использует принуждение, поскольку для членов общества изначально характерно неравенство социальных позиций (собственность, власть, информация), это приводит к *антагонизму* интересов, который в традиционных обществах более или менее отсутствует. Даже если в группах, где индивиды находятся в тесных отношениях друг с другом, происходит постепенная аккумуляция конфликтности, следовательно и усиление внутренних антагонизмов, приводящее к конфликту, он будет особенно острым.

Ментальность человека в социально-этнических конфликтах определяется не только внутри сообщества и традиции. Новоевропейское *самопонимание человека* синхронно новоевропейской *научной революции*, можно сказать, что новоевропейское политическое самочувствие не в последнюю очередь оказалось связанным с возросшей властью человека над ходом природных процессов. Многочисленные открытия в области природных процессов соответствуют антропологическим открытиям. Люди становились более понятными себе как существа, которые, опираясь на собственные индивидуальные размышления и наблюдения, способны достичь подобной достоверности. И главное то, что в отношении самих себя они становились *другими*, были мало склонны мириться с традиционным образом жизни, освященном авторитетами. Все более сознательно они подвергали самих себя проверке в зеркале собственного сознания, люди перешли на новую ступень самосознания. «Изменения обоих порядков – их образа внечеловеческого универсума и их образа самих себя – были теснейшим образом связаны друг с другом. И картезианская постановка вопроса, —*теоретико-познавательная*» постановка вопроса, вообще была ни чем иным, как формой выражения этого нового образа человека...» [15, с. 141].

Встает вопрос о возможностях рассмотрения социально-этнического конфликта с точки зрения ценностного содержания: актуализация этого вопроса связана с возможностью рассмотрения глобализации в аксиологическом ракурсе. Эта проблема управляемости глобализации представляется весьма важной, поскольку самым непосредственным образом связана с проблемой управления конфликтностью. При этом, трактуя глобализацию как объективный феномен, мы можем рассматривать ее двояко: как неуправляемый, «природный» процесс и как управляемый, «рукотворный».

В первом случае глобализация оказывается «естественной» тенденцией развития мирового сообщества. Это понимание устраняет телеологическую направленность глобализации, снимается вопрос о конечном итоге и цели этого процесса. «Естественность» глобализационных процессов позволяет избежать вопросов об их необходимости и целесообразности, обуславливает восприятие глобализации как *факта*, с которым нужно смириться. Кроме того, неуправляемый, стихийный характер глобализации указывает на определенную «пассивность» человечества, а также проясняет и ее сущность: «Глобализация – это то, что с нами происходит» [1, с. 87-88]. Так, глобализация существенным образом отличается от *универсализации*, проекта, созданного европейской культурой и нацеленного на создание «порядка во всеобъемлющем, подлинно глобальном масштабе», проекта, целью которого было «сделать мир лучше <...> создать для всех жителей земли похожие жизненные условия и возможности и даже уровнять их». Универсализация при этом понимается З. Бауманом как унифицирующий, гомогенизирующий, монологичный проект западноевропейской культуры. Таким образом, согласно З. Бауману, глобализация в силу отсутствия управляемости оказывается явлением хаотическим, а именно «новым мировым беспорядком». В рамках этого подхода мы не можем выделить *субъект* глобализации, а значит, оказываемся в ситуации, когда «винить» в возможных негативных или же позитивных последствиях некого. Глобализация оказывается процессом, вызванным к жизни особой внутренней логикой развития рынка, финансов – безличных, по сути, структур. Она не становится хаотическим процессом только в силу «естественных» механизмов «саморегулирования». Глобализация в этом случае не является и следствием «сознательного выбора», сделанного политическими лидерами. Напротив, она может рассматриваться как результат «структурных изменений капитализма, которые воплощаются в деятельности многих людей, организаций и государств, которые также порождают новые отношения и модели поведения» [16, р. 296].

Согласно второму подходу, глобализация представляет собой управляемый, «рукотворный» процесс. «Глобализация – это... феномен, который является прямым следствием определенной экономической и социальной политики и уже в силу этого вполне должен поддаваться управлению и регулированию» [17, р. 92]. Опираясь на такое понимание, можно предположить наличие центра управления глобализационными процессами, то есть субъекта/субъектов глобализации, а значит, и противопоставленного ему объекта.

В такой трактовке глобализации оказывается существенно важным наличие нескольких участников процесса, разделенных функционально – управляющих и управляемых, активных и пассивных, самостоятельных и зависимых. Это, в свою очередь, вызывает вопрос о том, кто именно представляет собой субъект, а кто – объект воздействия, а также каковы результаты этого воздействия. Один из возможных ответов на этот вопрос оказывается более чем очевидным как для сторонников, так и для противников глобализации. Как ранее модернизация, так и сегодня глобализация часто рассматривается как синоним вестернизации и/или американизации, то есть распространение капиталистической модели экономики, политики неолиберализма и демократии.

Для исследования темы социально-этнической конфликтности важна точка зрения о глобализации как «совокупности манипуляций» экономической, политической и национальной элитами, которые образуют нечто вроде «тайного интернационала», не только не связанного с реализацией местных национальных интересов, но и отстраненного от нее. Элита является единственным носителем *сознания глобализма*, которое выражается в желании создавать общечеловеческое будущее. Глобализм «ограничивается присвоением глобальных (планетарных) ресурсов алчным меньшинством —избранных», считающих все остальное человечество не достойным этого богатства» [12, с. 15]. Поэтому противники глобализации полагают, что глобализация,

будучи управляемым процессом, во всех областях ведет к самым *негативным* последствиям. Вовлечение в глобализационные процессы приводит к усугублению положения развивающихся стран, их дальнейшему обнищанию и истощению. Транснациональные корпорации размещают свое производство там, где дешевле рабочая сила, гибче налоговое законодательство, где можно не заботиться о защите окружающей среды, то есть в странах «третьего мира». Глобализация вовлекает эти страны в активное экономическое взаимодействие с более мощными субъектами. Не выдерживая конкурентоспособности, эти страны попадают в финансовую зависимость. Помимо экономической кабалы, они также подвергаются культурной унификации по образцу одной американско-европейской модели.

Отметим, что сами антиглобалисты предпочитают использовать для самоидентификации другое название — «*альтерглобализм*» или «другая интеграция», подчеркивая тем самым, что они не являются противниками процессов интеграции и глобализации, а стремятся изменить «господствующую ныне либерально-капиталистическую форму глобализации» [2, с. 33-34]. В центре критики антиглобалистов (альтерглобалистов) находится как раз идея *управляемости глобализации*. Альтерглобалисты согласны с тем, что сегодня происходят противоречивые, но объективные процессы интеграции технологии, экономик и культур, но не согласны с тем, что единственно возможной экономической, политической и духовной формой этого процесса интеграции является нынешнее всевластие глобальных игроков. Концепция управляемости глобализации и ее дальнейшая разработка актуальны потому, что в ее рамках определяются механизмы укрепления роли национального государства. Таким образом, глобализация ослабляет роль национальных государств, продуцирующих культурные, экономические программы, а именно в той же мере, в какой возрастает роль международных организаций. Государство теряет право проводить выгодную ему политику налогообложения в отношении импортируемых товаров. Отдельное государство не может контролировать практики, сложившиеся на финансовых рынках. Однако существует и противоположная тенденция, которая выражается в изменении объектов государственного регулирования: государства получают новую функцию обеспечения легитимности наднациональных управленческих механизмов. Управляемый характер глобализационных процессов означает, что негативные аспекты глобализации во всех сферах не являются необратимыми и могут быть преодолены. Но это означает также и то, что глобализация в социокультурной сфере может также быть управляемой, а значит, потенциально возможными могут оказаться разные сценарии культурного взаимодействия, а именно: намеренная унификация картины мира на основе культурной модели ведущей державы, например, США. Обладая информационными технологиями, военными и финансовыми ресурсами, политическими и экономическими рычагами давления, США являются несомненным лидером, производящим и транслирующим культурные паттерны. Гегемония корпоративного капитала должна быть снята, а глобализация может и должна приобрести новые общественные формы, в таких случаях возможны позитивные действия по предотвращению *социально-этнических* конфликтов.

Подводя итог можно отметить, что достаточно сложно рассуждать как о полезности/вредности конфликтов вообще, так и социально-этнического конфликта в частности.

Деструктивная роль социально-этнического конфликта — это основа войн, захватов чужих территорий, уничтожение образцов достижений культур, обнищание и истощение наций, гибель населения. Конструктивная роль — рост конкурентоспособности, технический прогресс, рост общественного самосознания, таким образом, конфликт в любом случае мобилизует социальные отношения: бесконфликтное общество было бы «муравейником» или *антиутопией*.

Список литературы

1. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и для общества. М., 2002.
2. Бугалин А. В., Павлов М. Ю. Антиглобализм // Глобалистика: энциклопедия. М., 2008.
3. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 2001.
4. Денисова О. Г. Современное понятие и способы разрешения социального конфликта // Вызовы современности и ответственность философа: материалы круглого стола, посвященного всемирному Дню философии / Кыргызско-Российский славянский университет; под общ. ред. И. И. Ивановой. Бишкек, 2003.
5. Казанова П. Мировая республика литературы. М., 2003.
6. Козер Л. А. Функции социального конфликта // Американская социологическая мысль. М., 2006.
7. Корташев В. А. Этническая политология: лекции в структурно-логических схемах: учебно-методическое пособие / под ред. М. А. Василика. СПб.: СПбГПУ, 2004.
8. Монсон П. Современная западная социология. Теории. Традиции. Перспективы. СПб.: Нотабене, 2002.
9. Панарин А. Искушение глобализмом. М., 2007.
10. Секацкий А. К. Тишина на Балканах // Запад или человечество? Историческая философия балканского конфликта. СПб., 2000.
11. Смит Э. Национализм и модернизм: критический обзор теорий современных наций и национализма. М.: Праксис, 2004.
12. Сухачев В. Ю. К генеалогии современного русского национализма // Этничность. Национальные движения. Социальная практика. СПб.: Петрополис, 2005.
13. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка. М., 2003.
14. Шпенглер О. Закат Европы. М.: ЭКСМО, 2007.
15. Элиас Н. Проблемы самосознания и образа человека // Элиас Н. Общество индивидов. М.: Праксис, 2010.
16. Cox R. W. Global Perestroika // Approaches to World Order. Cambridge, 2006.
17. Lasarus N. Charting Globalization // Race and Class. L., 1998/1999. Vol. 40. № 2/3.

BIOSPHERE AND SPECIFICITY OF ETHNIC AND SOCIAL CONFLICTS

Chulkova Ol'ga Olegovna

Moscow State University of Mechanical Engineering

O_chernyh@mail.ru

The article presents a social-philosophical reflection on the nature and specificity of ethnic and social conflicts. The comparative analysis of the civilization and post-modernist conceptions of social dynamics is carried out in order to ascertain the nature and specificity of ethnic and social conflicts in different types of societies (traditional, industrial, informational). The need to develop the tools of social control under the conditions of global social changes trends development in recent decades is revealed.

Key words and phrases: ethnos; nation; ethnic and social conflict; intergroup conflict; primordialism; constructivism; instrumentalism; multiethnic labour market; anti-globalism; alter-globalism.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

Статья раскрывает мероприятия Советского государства по подготовке кадров командно-начальствующего состава дальневосточных пограничников, особенности ее организации в ходе выполнения служебно-боевых задач в условиях обостряющейся военно-политической обстановки в регионе в 20-е – 30-е гг. XX века. Автор приходит к выводу, что принятые меры способствовали становлению и дальнейшему совершенствованию непрерывного цикла подготовки кадров пограничных войск в ходе оперативно-служебной и боевой деятельности пограничной охраны Дальнего Востока.

Ключевые слова и фразы: пограничная охрана; военно-учебное заведение; ВЧК-ГПУ-ОГПУ; командно-начальствующий состав; система; Дальний Восток; пограничная школа.

Ширяев Владимир Александрович, к.и.н., доцент

Хабаровский государственный педагогический университет

shiryayev1955@rambler.ru

**ОПЫТ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ КОМАНДНО-НАЧАЛЬСТВУЮЩЕГО СОСТАВА
ПОГРАНИЧНОЙ ОХРАНЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1922 – 1930-Е ГГ.®**

Подготовка, расстановка и воспитание руководящих кадров пограничной охраны продолжала оставаться важнейшей проблемой строительства войск в период формирования Советского государства. Эти процессы являлись основой формирования пограничных соединений и частей в округах для выполнения задач, возложенных на них декретом СНК РСФСР от 28 мая 1918 г. «Об учреждении пограничной охраны».

Кадры начальствующего состава пограничной охраны должны были отвечать требованиям, предъявляемым как к военным служащим, так и сотрудникам органов безопасности. В инструкции по укомплектованию пограничной охраны от 15 апреля 1918 г. говорилось, что «пограничная охрана должна иметь в своем командном составе, с одной стороны, пограничника-чекиста, с другой – боевого офицера. Бойцов необходимо воспитывать и обучать как пограничников и как бойцов Красной Армии» [Цит. по: 21, с. 70].

В межвоенный период потребность пограничной охраны в кадрах начсостава, имевшего высокую идейную, военную и оперативную подготовку, постоянно возрастала. Необходимость подготовки военно-чекистских кадров диктовалась рядом обстоятельств.

Во-первых, увеличение численности пограничной охраны к 1929 г. до 41 355 чел., совершенствование организационной структуры вызвали постоянную нехватку кадров начальствующего состава. Созданные при округах в середине 1920-х гг. 30 школ по подготовке начальников пограничных застав не удовлетворяли потребности пограничных войск по качеству военной подготовки [15, с. 221]. К 1929 г. основным источником пополнения войск кадрами начальников застав стали военно-учебные заведения РККА. В 1929-1930 гг. в ряде округов в связи с формированием новых соединений и частей возник большой некомплект начальствующего состава. Пограничные округа уже в 1928 г. выдвинули перед руководством ГУПО ОГПУ требование создать специальные военные школы по подготовке командиров для войск.

Во-вторых, строительство пограничной охраны как вооруженной силы органов ВЧК-ОГПУ-НКВД, призванной вести борьбу с внутренними и внешними угрозами в пограничной полосе, требовало от командных кадров не только военной, но и оперативной (чекистской) подготовки.

Ф. Э. Дзержинский, возглавлявший строительство пограничной охраны, неоднократно подчеркивал, что командир-пограничник – это не только военный специалист, но и оперативный работник, чекист. Высшая пограничная школа, созданная 30 ноября 1923 г., имела своей задачей подготовить кадры ответственных работников